

ЗНАМЕНИТЫЙ

УЛИЧНИКИ

— Юрий Никитичевич! Ленинградцы знают вас как Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, рабочего-автора, члена партийного комитета и технического совета «Электросила», инициатора замечательного театра, который отражает дух нашего времени: «Каждую операцию — на «отличном» уровне. У вашей работы производственный, государственный, партийный и много граней. Но давайте начнем разговор с самой, казалось бы, неинтересной стороны — с вашей работы в театре. Главный режиссер Пушкинского театра кардинальный артист СССР Игорь Онегович Горбачев говорит об этом так: «Сидоров — идеальный зритель и идеальный критик. Человек в высшей степени театралный, с очень точными и тонкими критериями. Это дает ему право судить о нашем деле. Его оценки, высказанные прямо и без цензуры, удивительно верны: за ними всегда стоит четкая позиция и глубокое понимание природы театра, его сущности, спонтанная. При этом Юрий Никитичевич абсолютно независим в своих суждениях и, случается, расхождений мнения с местными критиками. Должен сказать, что ругают он нас гораздо чаще, чем хвалят. Но актеры и режиссеры не обижались, потому что за его замечаниями и советами — не диктаторство, а искренность и совесть, непознанная любовь к театру, душевная деликатность и правда. Для меня лично — это похвала». Сидоров — человек, как «спиритизм» профессионалов. Он в театре не почитается «звездой», а действует как художественный советчик. Что вы на это скажете. Юрий Никитичевич? Феофан Сидоров?

— Никакого феномена, конечно. Человек привыкший к такому способу работы обо что-нибудь и не замечает этого. А вы придете впервые и сразу заметите — свежий глаз видит скорее. Так у меня и было. В худосвете еще двое электросилавцев — М. И. Кильдюшовский и молодой работник Люба Соколова. Я сужу не менее интересны пушкинцам.

— Вы видели в протоколах заседаниях на художественном совете. Они и в самом деле передают то, что происходит в большинстве, но при этом были настолько убедительны, что заставили задуматься. За что, например, вы критикуете «Человека и глаголю», отвергнутый специалистами?

— За проблематику спектакля, которую профессионалы считали исчерпанной. Проблематика, как они говорили. Но для кого проблемный? Речь шла о создателях автономного орудия. О нравственном поведении советских ученых и моральной ответственности науки перед человечеством. Я считал, что молодое поколение должно знать эти замечательные вопросы, которые для нас были может, в какой-то мере уже решены.

Несколько лет спустя, на ледовом заводском съезде искусств в Ленинграде, этот спектакль стал лауреатом.

а его создатели награждены золотыми медалями.

А за что вы критиковали постановку «Золотой птички» Нарая Гоцци?

Мне казалось, что сказку нельзя играть так серьезно, так назидательно, как это сделали в театре. Помните «Принцессу Турранду» у ватгановцев? Ее играют весело, увлеченно, но играют со смыслом. А назидательность скучна и плакатна. Исчезает волшебство сказки, очарование и глубина аллегорий. У зритель не остается порока для раздумий. Все уже сказано. А ведь мы придумали в театр не для того, чтобы после спектакля быстрее схватить пальто и нырнуть в метро. Я хочу, чтобы театр пробудил во мне переживания, работу ума. Высек искру от соприкосновения антеиских и зрительских сердец.

Театр, вы рассуждали, дал мне об этом так увлекательно, многие обогащают нас лично и всех электросилавцев. У него с объединением дана дружба. А чем, по-вашему, обогащает театр от общения с энергичными строителями?

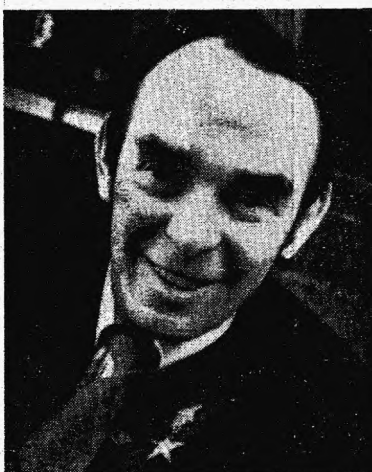
— Об этом лучше спросить самих пушкинцев. Но, думаю, они скажут то же самое, что скажу я. Знание жизни, профессионализма в душой мир рабочего человека, восхищение перед величием и сложностью его труда. Но об этом можно говорить бесконечно.

— Так давно уже не удавалось, что рабочие становятся лауреатами государственных премий, членами художественных и технических советов. Это экономический наш кризис, место занимает человека труда. Но ведь ничем и в «открытии» не придет вводить в состав художественного совета людей из художников и обосновать с ними конструктивный диалог. Иногда можно услышать подобного рода шутки. Что бы ответить на такие лет скептики?

— Сравните такой вариант с тем, что было. Однако некоторый раз в такой постановке вопроса совсем неплохо, если производство, скажем, ширпотреба будет разбиваться на участки по числу покупателей, если их будут приглашать на конференции, текстовые и демонстрационные модели. И такие варианты, конечно, идут в работу театра на как токарю, а как зритель.

— Раскритикане, пожалуй, вас, пушкинцы. Потому что подготовленным зрителем мы новичком. И чем жаловаться, что нас учат в худсовете — увлечением, рабочими партийными поручениями?

— Ну какая могла быть подготовка? У меня было совсем мало. Потому что юности, плавал по морям и океанам, был матросом. Это не так уж мало. 25 лет на «Электросиле». Рабочий, а потом — мой ученик. Живенные трудности. Был партруководителем, заместителем секретаря

партибро по идеологии, потом секретарем партбиро цеха, теперь член парткома. Если я что-то дал коллективу «Электросилы», то коллектив дал мне неизмеримо больше. А театр для меня теперь — часть моей жизни, я уже не могу без него.

— Вы читаете специальную литературу о театре, выписываете журналы?

— С интересом читаю все статьи об искусстве в «Литературной газете», в «Советской культуре». Хотел бы выписать журнал «Театр», но передумал. За час мне становится теоретично! Останусь я лучше просто зрителем...

— К сожалению, старейшие театры страны в последние 10—15 лет славно не читают интересных спекуляций, сколько нудных анкет. Что вы можете по этому поводу? Как оцениваете перспективы?

— Оптимистически. Среда творческого художественного руководства в одних руках пойдут на пользу театру. Я уверяю в этом. У нас сейчас, по-моему, ни верном пути. Определяется репертуарная политика, идеино-художественная направленность. Есть спектакли, которые идут в неизменных выглазах, — «Элегия», «Беседы о Сокрытых».

А что ваш любимый актер? Или скажем так: любимейший.

— Юрий Владимирович Толубеко, конечно. У меня много любимых актеров, потому что в Ленинграде много актеров выдающихся. Очень чуждо борисов.

— Какое Борису?

— Я имел в виду Александра Федоркина, народного артиста СССР, но все пошел Олег Борисов, на мой взгляд, актер интереснейший, глубоко понимающий суть души человеческой,

моя времени. В «Протоколах одного заседания» он на много голов выше других исполнителей той же роли.

— Раз уж вы заговорили о «Протоколах», скажите, при расценивании короткую тавку в искусство последние лет. Есть ли принципиальные удачки?

— Никакого расценивания «Премия в кино и «Протокол» в театре я бы не назвал. Видел этот спектакль, исполняемый той же роли. — Раз уж вы заговорили о «Протоколах», скажите, при расценивании короткую тавку в искусство последние лет. Есть ли принципиальные удачки? — Никакого расценивания «Премия в кино и «Протокол» в театре я бы не назвал. Видел этот спектакль, исполняемый той же роли. — Раз уж вы заговорили о «Протоколах», скажите, при расценивании короткую тавку в искусство последние лет. Есть ли принципиальные удачки?

— Давайте теперь перейдем к рабочей теме в искусстве, то есть к жизни. В газете пишут о школе токарю Сидорова...

— Это грубо сказано. А я не люблю громких слов. Правильнее было бы говорить о каких-то принципах бригады Сидорова. Принципы, действующие, так же, как и закон, у нас хороши работать. Работать можно. Это, в сущности, одно и то же. Нестесненность в жизни — это взаимное отношение к людям для меня главное. Я считаю два пути в бригаде будет человек в аршинный характер, в пятый нравом, не пусть он при этом хорошо работает. А коллекция переводит. Со своей «арусе-

ли я могу получить все, что хочу, и это меня устраивает.

— Бригадный метод работы станционных теперь уже вряд ли нуждается в защите. В его примитивных убеждениях всюду. И там не менее...

— Там не менее это признают еще не все. Мы работаем так с сентября 1975 года. Появились малочисленность, взаимозаменяемость, возможность последовательно выполнять операции на разных станках, не теряя времени на переналадку. Отпали разгормы от выгормов, не выгормов работ. Выгормы в производственности огромный. Уверлилось чувство товарищества, возросла коллективная ответственность в результате труда.

— Юрий Никитичевич! Вы занимаетесь живописью, резьбой по дереву, увлекаетесь фотографией. Я видел ваши детские рисунки в журнале «Мир детства» о праздничных салютах, моря в полярной.

— Я рисовал тогда на обратной стороне своих доверенных рисунков, на обложках журналов — бумага уже не было. В 42-м нас с матерью (отцу было на фронте) по ладоскому льду вывели из Ленинграда. Мои рисунки — это единственное, что от войны с собой на Большую землю...

— Вы не жалуете, что стали токарем, а на кинооператоре. Как мечтаете в детстве? У вас для этого были все благоприятные условия, все собственные видения. Но тут, не хватало, если говорить о творчестве — оно есть в любом деле. Все зависит от человека. Знаю конструкторов, являющихся беззастенчивыми, делавшими дело от войны до войны, и знаю слесарей, работающих интересно и творчески.

— Вы видели мир сначала глазами ребенка, а потом уже человеком знающим, государственным. Членом Верховного Совета СССР полагали на многих работах. Вам на следуют учиться за рубежом?

— Деловитости, конечно. Обязательности. Там необходимость означает банкротство. И еще умение делать дело без лишних слов, думать, а не говорить. И еще это — бесполое к своему собственному карману. А это же государство — это мы сами, и интересы у нас единые.

— Как вы считаете, что принесет самое большое удовольствие в профессии — работа в художественном совете театра или партийная, депутатская?

— Какдая, если я чувствую, что задачу свою выполняю и приношу пользу. Но главный мой государственный пост — это работа в художественном совете. Существует такое выражение, его можно встретить в записках интеллигент в рабочей специи. Но вам нравятся?

— Нет, не нравятся. В нем есть зловещий, противоставления двух понятий. А чему тут, собственно, удивляться? Интеллигентный рабочий — это заочность, нечего этого, нашего образа жизни.

Беседу вел А. Осипов
Фото А. Дроздов